

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета на диссертацию Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему: «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России», представленную на соискание ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – Конфликтология (Политология)

1. Актуальность темы диссертационного исследования

Актуальность, представленного Мусаевым А.И. исследования располагается в двух плоскостях социальной жизни современного российского социума. Первая плоскость связана с потребностями государства и государственного управления в сохранении стабильности и исключении национального аспекта, постоянно провоцирующего конфликт. Подтверждение этого среза актуальности мы находим в основополагающих политико-юридических документах государства, в стратегиях его существования и развития.

Так в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», в которой выражена система приоритетов, целей, принципов, основных направлений, задач и механизмов реализации государственной национальной политики, указывается в п. 8, что она носит комплексный межотраслевой социально ориентированный характер и призвана развивать потенциал многонационального народа Российской Федерации, а в п.5, прямо указывает на то, что в зоне особого внимания государства находится «создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия в Северном Кавказе». Обращая внимание на принципы, которыми должна руководствоваться национальная политика российского государства, указывается, что межнациональные (межэтнические) противоречия могут и должны разрешать мирным путем, что обеспечивает межнациональный мир и согласие, гармонизацию межнациональных (межэтнических) отношений. Т.е. поддержание межнационального мира и согласия, профилактика возникновения конфликтных ситуаций является актуальной задачей государственного управления, которое в свои цели и задачи и в качестве предмета управления включает социально-экономические условия национального существования и развития наций и этносов, а тем самым признает значимость социальных факторов в возникновении противоречий и конфликтов в межнациональных отношениях и тем в профилактические меры по разрешению межнациональных противоречий и конфликтов включает их социальное положение.

Наиболее емко понимание государством значения социальных факторов (качество и уровень жизни) в профилактике социальных и межнациональных конфликтов и противоречий выражено в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Указ Президента от 31.12.2015 г.), в которой достойное качество и уровень жизни граждан включается в национальную безопасность, а в целях обеспечения государственной и общественно безопасности государство создает механизмы предупреждения и нейтрализации социальных и межнациональных конфликтов, в которых качество и уровень жизни, играет исключительную роль.

Другой плоскостью актуальности является недостаточное теоретическое обоснование влияние социальных факторов на этнополитические конфликты, незначительное (ничтожное) внимание теоретическому значению обоснования тесной, генетической связи конфликтов и социального положения наций и этносов. Сегодня в исследованиях в сфере политологии сложилась ситуация, при которой пласт проблем взаимосвязи политики с экономическими и социальными сферами упускаются из

политологического анализа, а в некоторых случаях совершенно игнорируются и тем деактуализируется огромное поле социально-политических проблем, требующих во-первых, теоретического политологического осмысления, а во-вторых, практического политического вмешательства и решения.

Представленное исследование Мусаева И.А. вносит вклад в политический анализ взаимодействия гражданского общества и государства, подвергая анализу влияние социальных факторов на современный этнополитический конфликт, в ряду которых выделяется социальная дистанция как отношение и в тоже время продукт различий в условиях существования индивидов, а вместе с этим разнонаправленных и противоположных интересов, порождающих в результате столкновения последних конфликт, ведущий к большему чем прежде обособлению и высвобождению энергии нового конфликта, посредством которого индивиды или целые народы стремятся изменить «дельту» (выражение автора – Н.К.) существующих социальных различий. В своем исследовании автор придает конфликту как способу взаимодействия положительное функциональное значение, т.е. видит в конфликте не только разрушительную, но и созидающую силу, принадлежащую обществу.

2. Значимость полученных автором диссертации для развития политической науки

Рецензируемая диссертация представляет собой научную исследование, в которой проведен политологический анализ теоретических проблем, возникающих в результате взаимодействия гражданского общества и государства, продукта или результата этого взаимодействия – этнополитических конфликтов, оказывающих влияние на социодинамику и государственную политику в сфере национальных отношений. Содержащиеся в работе положения, теоретические и эмпирические достижения, выводы и рекомендации отличаются новизной, соответствующей предмету, глубиной исследования и теоретической аргументацией.

Предавая методологическое значение понятию «этничность», что абсолютно верно, ибо от понимание или лучше сказать от определения этничности зависят заключительные результаты исследования и вообще будет или нет, раскрыта тема исследования, проводит экспликацию понятийного аппарата и особенно такого понятия как «этничность», приходит к выводу о том, что этничность есть «атрибутивный признак этноса со свойственной ей мировоззренческой матрицей, отображающей при определенных условиях функцию рационализации социальной реальности, соединяя в себе множество линий взаимодействия в социальном пространстве» (С. 10 диссертации). Исходя из этого положения, выносимого на защиту, автор конструирует свою, авторскую позицию в отношении заявленной в диссертации темы исследования.

Видя слабость сформировавшихся подходов к определению понятия «этничность» в таких направлениях исследования как примордиализм, инструментализм и конструктивизм, автор делает вывод о том, «что ни одному из данных подходов не удается в этом лабиринте идей и смыслов найти законченное решение и открыть природу этничности» (С. 36). Это возможно лишь при условии понимания субъективно-объективной природы этничности, как его существенного атрибутивного признака, методологически возвращающего исследование этноса к поиску социометрии его сущности, раскрывающего этнос как конкретное социальное образование, (С. 37 диссертации). Возвращение к социометрической концепции этноса позволяет автору содержательно не отклоняться о темы исследования и выдержать его последующую логику.

Автор прав, заявляя о том, что одним из главных следствий существенных различий в трактовках феномена этничности является различное понимание межэтнических и этнополитических конфликтов (С. 38 диссертации). Автор критически подходит к представлениям или пониманию этнополитического конфликта, которые сложились в как вполне знакомых (примордиализм, конструктивизм и инструментализм), так и менее известных, но получивших признание в отечественной политологической литературе, такие как факторные, когнитивные и цивилизационно-политические подходы (Здравомыслов А.Г. Степанов Е.И., Авксентьев В.А. и др.).

Пытаясь найти приемлемую теоретико-методологическую основу исследования этнополитических конфликтов, автор, на примере такого движения в Европе в 19 веке как панславизм, приходит к выводу о том, что, во-первых, пример с панславизмом иллюстрирует истинность тезиса о национальном вопросе как вопросе социальном, который в зависимости от конкретно исторических условий принимает в большей или меньше степени национальную атрибутивность (окраску); о национальных противоречиях, обуславливающих социальными факторами, а в случае с панславизмом факторами социального неравенства. Во-вторых, при рассмотрении этнополитических конфликтов, по мнению автора, важно учитывать конкретно-исторические условия и видеть причину политизации этнических конфликтов, покоящуюся в том или ином социальном факторе (С. 49 – 51 диссертации).

Немаловажен вывод автора о том, что современные государства заинтересованы в том, чтобы социальные противоречия были стерты в этнонациональных коллизиях и в этническом дискурсе, для чего искусственно внедряется этническая идентичность, вызывая тем самым конфликтность на совершенно иных искусственных основаниях (С. 55 диссертации).

Этому искусственно вызываемому процессу противостоит так называемая этнизация, которая, по мнению автора, не позволяет социальным противоречиям раствориться в межэтнических схватках, что также говорит о взаимосвязи этнического и социального (С. 55 диссертации). Следуя за Валлерстайном, автор под этнизацией понимает устойчивую связь, образующуюся между этническими стратами и профессиональным и классовым положением этнических групп, что сегодня особенно характерно для стран Евросоюза, которые в изобилии инкорпорировали в свои общества иммигрантов.

Исходя из представленного анализа, автор приходит к определению этнополитического конфликта, под которым понимает действительные и мнимые исторически обусловленные противоречия в господствующих отношениях между различными политическими этносами или нациями, сложившиеся в действительных или мнимо различных средах, детерминированных в первую очередь социально-экономическим положением наций (С. 57 диссертации).

Останавливаясь на проблемах определения конфликтного потенциала социальной дистанции, автор подробно анализирует историю данного понятия, которая связана с такими исследователями как К. Маркс, Ф. Энгельс, Ж.Г. Тард, Г. Зиммель, Р. Парк, Э. Богардус, П. Сорокин, Л. фон Визе, К. Манхейм и приходит к выводу, что данное понятие вопреки исторически установившейся социологической традиции анализа социальной дистанции постепенно из социологической категории стала превращаться в категорию психологическую. Автор заявляет, что «артикуляция понятия социальной дистанции по определенному объективному основанию, приходят в итоге к достаточно психологизированному ее пониманию, лишая данный феномен заложенного в нем свойства быть источником противоречий и развития» (С. 79 диссертации), и вместо социальной дистанции появляется психологическая дистанция, пытающаяся заменить

объективно данные социальные различия, включающиеся в понятие «социальной дистанции», на чисто психологические, т.е. субъективные, не выходящие за пределы психологического пространства, разделяющего или, наоборот, объединяющего различных субъектов социально-психологических отношений (С. 84 диссертации).

Автор выражает свое несогласие с приоритетно психологической трактовкой социальной дистанции, аргументирует позицию согласно которой, социальная дистанция есть отношение, в пределах которого взаимодействие осуществляют отчужденные от самих себя и других индивиды и потому изначально взаимодействуют как отрицающие друг друга индивиды, а в силу того, что отчуждение есть социальный акт, а как психологически индивид себя позиционирует в этом акте, это есть следствие от самой социальной дистанции и не может на нее самою оказывать какого-либо влияния, то эти отношения не могут быть никакими другими кроме как отношениями отрицательного единства, при которых «индивиду как носители различий условий своего существования и социального положения, пишет автор, надеются разнонаправленными (противоположными) интересами, и в ситуации столкновения (конфликта) обособляются по различным полюсам социальной вертикали и горизонтали, перманентно стремясь изменить посредством конфликта существующую дельту различий» (С. 86 диссертации).

Предложенное автором определение понятия «социальная дистанция» отражает состояние общества, в котором движение может осуществляться через конфликт, а в какой форме он явится в каждый исторический момент, будет зависеть от остроты противоречий, зарождающихся в гражданском обществе. Но как только конфликт покидает ту или иную познавательную парадигму, исследователю ничего не остается, как двигаться по пути психологизации проблемы, а значит перекладывания вины за все объективные противоречия существующего общества на индивида, придавленного нуждой.

Определение социальной дистанции, данное автором исследования, не оставляет не ясным вопрос о каузации социального конфликта. Конфликт явственнее проявит себя в ситуации максимально возможной поляризации различий и, наоборот, минимум различий – минимум потенций социального конфликта. И все-таки наиболее значимым компонентом исследования является выяснения того как социальная дистанция, будучи фактором, оказывает влияние на конфликтогенность. Но прежде автор пытается раскрыть «субстантивную эссенцию» (выражение автора – Н.К.) формирования и воспроизведения различий социальных положений и условий жизни индивидов, продуцирующую антагонистичность интересов или конфликт.

Полемизируя с американскими социологами Р. Парком и Э. Богардусом, которые первыми сделали попытку дать анализ соотношения таких понятий как «социальная дистанция» и «конфликт», посредством придания таким понятиям как «предрассудок», «предубеждение», «статус» социально насыщенный смысл, т.е. поднять их до уровня социальных абстракций, объясняющих сущность конфликтного коммуникативного взаимодействия, и особенно идея Э. Богардуса о том, что статус и социальная дистанция устанавливаются насилием, т.е. политически, автор приходит к методологическому выводу о том, что социальная дистанция есть продукт или результат статусной борьбы (С. 103 диссертации), т.е. результат политического взаимодействия.

У Л. Козера автор находит не явное опять же психологизированное понятие «рессантимент», указывающее на то, что социальная дистанция есть не полное отрицание противоположной стороны, а злоба и зависть, т.е. еще не активное действие, а лишь внутренний огонь, внутренняя энергия индивида, не находящая выход во вне. Однако заслуга Л. Козера именно в том, что он приближается к пониманию социальной дистанции как отрицательного единства. Следует заключить, что автор, сам, не делая этого, приходит

к выводу о том, что если Р. Парк и Э. Богардус приходят к тому, что сама социальная дистанция есть продукт конфликта, то уже Л. Козер усматривает в самой социальной дистанции потенцию конфликта.

В тоже время автор пытается вернуть анализ социальной дистанции в лоно социальной науки и показать, что подобный анализ не только не исчерпал себя, но и не отрываясь от анализа действительности еще таит в себе огромный эвристический потенциал. И начинает с разделения труда в обществе, с той еще созидающей основы существующего общества, таящей в себе все коллизии современности, из которого выходят и современные неравенства и различия, порождает социальную полярность (С. 106 диссертации).

Из разделения труда выходит наемный труд, анализируя сущность которого, и раскрывая положение наемного труда в современной России, автор положительно отвечает на вопросы о том, что социальная дистанция как понятие, отражающее отношения отрицательного единства, отражает вместе с тем конфликтный потенциал противоположностей и различий, столкновение интересов, являющихся следствием этих противоположностей и различий, а вместе с тем раскрывает причинно-следственную связь между разделением труда и социальной дистанцией, являющейся следствием последней. Именно «наемный труд, пишет автор, является областью взаимного притяжения и отторжения двух различных полюсов, единство которых может существовать только в конфликтности... в социальной дистанции как отрицательном единстве, которая в силу положенного внутри нее конфликта как способа соединения превращается в свою противоположность, т.е. в социальное единство (С. 118 диссертации).

Сделав основополагающие для раскрытия темы методологические выводы, автор исследования переходит непосредственно к теоретическому обоснованию социальной дистанции как фактора этнополитических конфликтов в современной России. Этую наиболее важную часть исследования автор укладывает в прокрустово ложе уяснения и раскрытия социального контекста этнополитического конфликта и аналитического поиска «на предмет обоснованности позиционирования социальной дистанции как весомой движущей силы этнополитических конфликтов (С. 143 диссертации). В результате анализа автор приходит к следующим теоретически значимым и практически обоснованным выводам по данной части исследования:

во-первых, автор избегает рассмотрение этнонациональных противоречий как только многосложного явления, указывая на игнорирование содержательных компонентов данного явления в распространенном сегодня в отечественной и зарубежной литературе феноменологическом анализе этнополитических конфликтов (С. 120 диссертации);

во-вторых, снятие избыточной феноминологизации проблемы этнонациональных противоречий, а тем самым преодолеть узкие горизонты феноменологического анализа, возможно, по мнению автора, в конфликтологическом прочтении понятия «социальной безопасности» (С. 121 диссертации);

в-третьих, категория «социальная безопасность» вводится автором исследования для доказательства того, что социально значимые действия индивидов возможны и осуществляются им в результате достижения социальной дистанцией своих крайних отрицательных значений, не только делает существование индивида опасным, но и актуализирует его нацеленность на борьбу, что еще раз доказывает потенцию конфликтогенного характера социальной дистанции (С. 121 – 127; 141 диссертации);

в-четвертых, исследуя основные компоненты социальной безопасности автор аргументирует вывод о том, что этнонациональные конфликты есть действительный

симптомом наличия действительных противоречий во взаимоотношениях между этносами, причины которых в условиях их жизни, в неудовлетворенности их развившихся потребностей и отсутствия должного внимания со стороны государства как субъекта социальной безопасности к разрешению этих противоречий (С. 126 диссертации);

в-пятых, на основе количественного анализа статистики и вторичного анализа социологических исследований, проводимых в стране, автор приходит к выводу о критическом положении национальных субъектов федерации, которые на протяжении почти 30 лет занимают последние позиции в рейтинге субъектов по ВРП на душу населения, а тем самым находятся на периферии социальной дистанции, но в авангарде конфликтогенного потенциала, расползающегося по линии национализма – экстремизма – терроризма (С. 136; 142 диссертации);

в-шестых, автор указывает на механизм редукции социального контекста этнополитических конфликтов в политических контекст, который «социальную готовность этноса изменить свое положение сопровождается попытками национальных элит подчинить подобного рода устремленность, что задает политический тон и направляет его в определенное русло, где в широком веере социальных идентичностей **этническая** (курсив наш – Н.К.) преподносится как единственно спасительная и верная» (С. 142 диссертации);

в-седьмых, анализ социальной дистанции как фактора этнополитических конфликтов приводит автора к выводу о вездесущей психологизации в определении причин и факторов этнополитических конфликтов, тогда как «кричащей» (выражение автора – Н.К.) причиной последних является социально-экономическое положение этносов (С. 143 – 145 диссертации);

в-восьмых, автор видит в государстве тот институт, который «в полной мере несет ответственность за то, что определенные этносы оказываются в условиях угрожающих их полноценному существованию, обусловливая тем самым, борьбу этносов за улучшение собственного положения» (С. 146 диссертации), аргументирует данное представление историческим экскурсом в эволюцию и революцию национальных отношений в российской империи, СССР и современной России, приходит к выводу, что «незаконченность институционального процесса вовлечения широких масс коренных народов национальных республик в бытие крупной промышленности является в некоторой степени причиной того, почему в новых исторических условиях этносы с такой легкостью соскользнули в порочный круг этнонациональных распрея» (С. 154 диссертации);

в-девятых, анализ влияния социальной дистанции на этнополитические конфликты, не забывая о том, что основополагающим фактором этого процесса является аргументированное автором разделение труда, приводит к анализу конкретного субстанционального наполнения абстрактной категории «социальная дистанция» и выраженного ею отношения, которое представлено в противоположности между городом и деревней, что вполне оправдано аграрным характером образа жизни национальных образований в современной России, а на основе отклоняющегося от промышленных регионов разделения труда различий, присущая средним значениям промышленно развитых регионов увеличивается, что ведет к высокой потенции конфликта (С. 156 -165 диссертации);

в-десятых, в заключении автор приходит к основополагающему выводу, который как тенденция может быть принят как закон, согласно которому в условиях тотальной депривации, когда дельта различий достигает порогового значения безопасности, внутри этносов активизируется борьба за улучшение собственного материального положения, и

борьба оборачивается конфликтом с другими этносами, в существовании которого усматривается причина своего бедственного положения (С. 168 диссертации).

3. Рекомендации по использованию результатов и выводов, приведенных в диссертации

Результаты и выводы, приведенные в диссертации необходимо разделить на теоретические и практические. Теоретические выводы, сделанные автором исследования, являются основой для последующего более углубленного и всестороннего анализа межнациональных отношений на основе концепции роли и значения социальной дистанции в урегулировании этнополитических конфликтов. Автором продемонстрирована методология анализа сложной теоретической проблемы не столько мало разработанной, сколько разработанной через призму психологических аномалий, являющихся результатом постоянно воспроизводящихся деприваций, влекущих за собой постоянное психическое отклонение от нормы. Автор же делает удачную попытку вернуть рассмотрение проблемы в русло материализма и показать тем самым узость когнитивных горизонтов и полную несостоятельность подходов стремящихся объяснить процессы происходящие в политике и социуме игнорированием конфликта как способа взаимодействия и тем самым подвергать анализу лишь позитивные формы взаимодействия, тогда как и они являются зонами доконфликтного или послеконфликтного состояния.

В тоже время исследование носит бесспорное практическое значение, которое заключается в том, что дельта различий, характеризующая социальную дистанцию, делает конфликтный потенциал последней меньшим или большим в зависимости от степени ее отклонения от средних величин различий, принятых или установленных в межнациональных отношениях и если отклонения дельты различий начинают приближаться или превышать пороговые значения, которые разработаны в отечественной литературе по сферам общественной жизнедеятельности тем же С. Глазьевым, то это есть симптом роста конфликтогенности социальной дистанции, есть указание государству и правительствам принимать социально-профилактические меры к ее снижению. Это эмпирическое значение исследования как никакое другое представляет системе российского государственного управления теоретически обоснованные рекомендации по его использованию в управлении этнополитическими конфликтами в современной России.

4. Замечания и недостатки диссертации

Вместе с тем следует высказать некоторые замечания:

1. Представленная работа в меру эмоциональна, без чего, по моему мнению, не может быть хорошего исследования, а тем более исследования, касающегося межнациональных отношений и этнополитического конфликта. Однако автор иногда не всегда находит эмоционально окрашенные слова, точно отражающие то, что предшествовало в тексте. Так на странице 131 автор пишет: «Если же взглянуть на вышеупомянутые статистические данные *трезвыми глазами* (курсив наш – Н.К.), то в них можно обнаружить тенденцию снижения производительной силы российского общества...». А если взглянуть не трезвыми глазами на статистические данные, то можно обнаружить лишь рост производительности? Так что же наше правительство смотрит только не трезвыми глазами, говоря о росте производительности?

2. На странице 142 автор заявляет о том, что политический «тон» этнополитическим конфликтам задает национальная элита, которая социальную неудовлетворенность индивидов направляет в русло этнической идентичности, не останавливаясь на иных видах идентичности. Встает вопрос о том, а не слишком ли прост

механизм редукции социального недовольства в этнополитический конфликт? Здесь же встает и иной вопрос: «А не слишком ли автор увлекся неудовлетворенностью индивидов, как субъективным фактором, ибо неудовлетворенных во все времена было достаточно, но революций от этого не происходило».

3. В некоторых суждениях автор, переходя в плоскость нравственности, сам наверное не замечая этого, покидает поле объективности в рассмотрении проблемы. Говоря о том, что государство в полной мере несет ответственность за то, что определенные этносы оказываются в условиях угрожающих их полноценному существованию (С. 146 диссертации), автор находится тем самым в плену представлений нашего недалекого прошлого, когда административные функции государства совпадали с хозяйственными и превалировали над политическими, чего нельзя сказать о современном российском государстве, которое так и не может разработать Стратегию социальной безопасности и взять на себя хоть какую-то долю ответственности за социальное положение своих же собственных граждан.

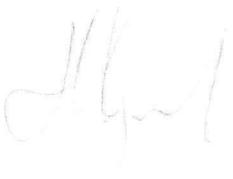
Высказанные замечания не влияют на общую положительную оценку диссертационной работы, основные положения работы отражены в публикациях автора.

5. Заключение по диссертации

Диссертация Мусаева Абдурашида Идрисовича на тему: «Социальная дистанция как фактор этнополитических конфликтов в современной России», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Мусаев Абдурашид Идрисович заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 23.00.06. – Конфликтология (политология).

Пункт 11 указанного порядка соискателем не нарушен.

Председатель диссертационного совета
доктор философский наук, доцент,
доцент кафедры конфликтологии
Санкт-Петербургского государственного
Университета

Кузнецов Н.В.

11.10.2018 г.